

ПОМОЩНИЦА СУДЬИ

Январь искрит. И замерла река.
Меня целуешь, встав спиной к обрыву...
Плавник ерша, замерзший на века
(как гибель мира вижу эту рыбу).
Трещат деревья. Выстрелы берез.
Луна в засаде. Каменные стены.
И монастырь. И сипло воет пес.
И муж подозревает об измене.

Ты молишься и в церкви, и в суде —
там рясы судей, белая богиня;
я б расписал ей мраморное вымя
(ведь не весы, перо — в моей руке).
Перо иль нож — во тьме не разглядеть...
Я сам юрист, и знаю все уловки.
Ты хочешь в судьи? Мантию надеть?
Мне чьи-то судьбы взвешивать неловко.

...Припомнишь ли? У моего окна, —
в одном чулке, ты мужу говорила:
«В „Сибиряке“. Не веришь? Да, одна.
Тебе поклясться? Скоро буду, милый»
(как сталь, светило женское плечо,
я целовал — от шеи до лопатки).
И бросив трубку: «Ну, давай еще...
Как надоели мужнины повадки...»

Мы — с богословских курсов. Снежный наст.
Ты набожна. Я верю только Музе
(предвидя, что банален смертный час,
я неизменен в творческом союзе).
Твой муж — начальник цеха, а я — нет;
а на вопрос, кем, черт возьми, я буду:
— Судьей? Директором? — Поэтом! — мой ответ, —
и пусть мою главу несут на блюде.

Андрей Владиславович Шевцов родился в 1982 году в Тюмени. Окончил Институт государства и права ТюмГУ. Кандидат юридических наук, доцент. Стихи публиковались в журналах «Сибирские огни», «Москва», «Нева», «Нижний Новгород» и др. Автор книги стихов «Яблочный Спас» (2014). Победитель Межрегионального поэтического конкурса «Светись, светись, далекая звезда...», посвященного 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова (Москва, 2014). Вошел в лонг-лист Первого Санкт-Петербургского поэтического конкурса «Критерии свободы» имени Иосифа Бродского. Член Союза писателей России.

Пора трубить истории отбой:
блеснув пером, я падаю с обрыва...
Она жива, авто — шуршит домой,
но гибнет ерш, и бьется мир, как рыба.

* * *

Вот пар — над люком с буквой «К»...
Там, за рекою — лесопилка...
(Прошу, не ускользай, строка,
как два сиреневых обмылка.)
В рулоны свернута трава:
мокра, черна, как рубероид.
А дома ждет меня кровя...
Я тут брожу, как гуманоид.
Мне мелкий дождик мочит плащ.
И хоть рукам тепло в карманах,
я представляю, как палач
с Тамарой пьет в сырых Тарманах.

А то вдруг пятна на воде
ловлю, как золото, на черном.
Ведьмак на нанопомеле
летит к «осколочным» ученым.
А за «Мостом влюбленных» — тьма
горит, как газ, тюльпаном синим.
И трюм Тюмени, как тюрьма;
но в сердце светит мне Есенин.

Открыт колодец; обойдя
его в плаще псевдоиспанском,
кричу проклятья: «Бодрийяр!»,
«Наркологический диспансер!»
Залит водою переход,
двухвостки хвои — на дороге.
И окровавленный восход
уже плывет в глубоком грогги.

* * *

Хандрил в коттедже... Как мизгирь,
сплетал липучку-паутину:
январь, сосновый бор, Сибирь...
Не знал, что розовый снегирь
влетел на лоджию с рябины.

Часы с кукушкой (ядра гирь)
смотрели в тюль, а может, в тину.
Вздыхал: «Э. Чоран», пил «чифирь»...
На белом куржаке снегирь
писал крылом свою картину.

ОЖИДАНИЕ ГРОМОВЫХ СТРЕЛ

1

У меня на окне занавеска из ванной:
рыбы — вверх плавниками.
Я уже третий год пребываю в нирване,
в тишине с облаками.
За бездонным окном проплывают вороны,
даже «весла» не сушат.
Я сижу за столом, словно приговоренный,
и пишу свою душу.
Целит в правый висок из соседнего дома
мне чернильное дуло —
там овал чердака дожидается грома,
ну, и чтобы блеснуло...
Так пронзит мне висок вдохновенная пуля
или вылетит голубь?..
Ах, глаза голубые, как небо июля,
смотрят в черную прорубь.

2

Плыл с козлиною мордой ковчежец Ноев,
сгнил, рассыпался чечевицей...
Коль юрод из потемок нутра не ноет,
открываю себя ключицей...
И растут из-под век, словно два масленка,
мои очи, они же вежды...
Над заросшим прудом ждет-пождет Аленка
в старорусской своей надежде.
И приходит Четверг — с топором, в сорочке...
Или мне это счастье снится?
Нет, искрится в хвосте иль крыле сорочьем
золотое перо жар-птицы...
Вылезают из дуба клыки кабаньи,
небо в небе цветет, как ирис...
И берет в свете молнии люд кабальный
бересту, талипот, папирус...

* * *

Стоит зима. Крещусь пудовой гирей,
смотрю в тоске на свой велосипед,
читаю лежа: от индийских Вед
до русских модернистов в «Новом мире».

Не сплю ночами, знаю: тополя
качают птиц; есть память летней кроны;
на крышах зданий — снежные поля;
и стынет кровь под крыльями вороны.
Над «Стройлесбанком», знаю, три трубы
дымят в пространство, будто папиросы.

А где-то стук — наверно, стук судьбы...
три точки, как извечные вопросы.

* * *

Есть двери в небеса —
просветы колоколен...
Когда взмахнет коса
по чьей-то *древлей* воле,
то полетишь сквозь них,
как ворон или галка.
А как ты тут возник,
не скажут ни гадалка,
ни попадья, ни поп.
Никто, никто из местных.
Дождись: сойдешь во гроб,
и станет все известно.